

Портрет уже был поразительным, но реальный человек оказался еще более впечатляющим.

Выражение лица Лу Чжана стало мрачным. Если бы это был старый предок Цинъю Чжао Цанфэн, он знал бы, что этот человек амбициозен, и, возможно, смог бы успокоить его словами. Других мастеров боевых искусств он мог бы подкупить высокими должностями, золотом и красавицами. Но Мэн Ци? Мэн Ци был просто сумасшедшим!

Он действовал без какого-либо порядка, был непредсказуем, и Лу Чжан даже подозревал, что государственный наставник Мэн сошел с ума после того, как Ли Юаньцзэ казнил заслуженных чиновников. Иначе, зачем ему такие выдающиеся боевые навыки, если он не собирался мстить Ли Юаньцзэ?

Его внешность тоже была ненормальной, будто он съел легендарный эликсир бессмертия.

Лу Чжан собрался с мыслями и сказал сдержанно:

— Я не ожидал, что это будешь ты.

Мэн Ци, не дав ему продолжить, сразу же отверг:

— Нет, я не собираюсь поднимать восстание, и я не здесь, чтобы мстить за династию Чу. Наши счета связаны с духовным снадобьем и разрушением моего дома.

Лу Чжан насторожился и с достоинством сказал:

— Я могу полностью возместить духовное снадобье, а также дом.

Услышав о деньгах, второй принц сразу же напрягся.

[Император, конечно, богаче меня! Даже если сложить меня и третьего принца, включая наследного принца, мы не сможем сравниться с отцом в богатстве.]

— Государственный наставник Мэн! — второй принц не выдержал и напомнил. — Ты сначала взял наши деньги!

Третий принц, сжавшийся в углу, чуть не умер от злости. Второй принц явно хотел его продать!

Лу Чжан, конечно, заметил слово «наши» и подозрительно посмотрел на третьего принца.

Третий принц не смел пошевелиться, но внутри он уже проклинал второго принца. Как ему так не повезло, что он связался с таким глупым братом, который не только привел мастеров

боевых искусств, чтобы шантажировать его, но и затащил в такое опасное место. Кто, черт возьми, платит деньги, чтобы лично убить императора и отца? Разве не для того платят, чтобы оставаться в стороне и спокойно ждать результата?

Если он сам уже здесь, зачем тогда платил?

Разве деньги были нужны, чтобы подкупить слуг и гвардейцев?

Ведь он мог бы просто отравить их! Если не получилось в этот раз, можно попробовать в следующий!

Третий принц продолжал дрожать, и никто, кроме него, не знал, было ли это от страха или от злости.

Мэн Ци с интересом наблюдал за двумя принцами, размышляя, что второй принц, пожалуй, более забавный.

Лу Чжан не стал обращать внимания на своих бесполезных сыновей. Он пристально смотрел на Мэн Ци, а затем на Мо Ли, пытаясь угадать, кто этот человек.

Может быть, потомок династии Чу?

Лу Чжан слегка встревожился, внимательно осмотрев Мо Ли, но быстро отверг эту мысль.

Единственный, кого еще не поймали, был потомок наследного принца Чжаохуа династии Чу, и ему еще не было пятнадцати лет. Да и среди членов династии Чу не было такого человека.

— Твои компенсации мне не интересны, — Мэн Ци достал бумажный пакет и положил в рот последнюю восковницу.

Лу Чжан: «...»

В такой напряженный момент «переворота и покушения на императора» он ест сладости?

Мо Ли заметил слуг, дрожащих в углу.

Он вздохнул и легким движением руки оттолкнул их. Слуги с удивлением почувствовали, как их вытолкнули из зала, и хотели закричать, но их сознание померкло, и они потеряли сознание.

Они упали за пределами зала, смешавшись с другими слугами и охранниками.

Лу Чжан, увидев этот мягкий поступок Мо Ли, сначала подумал, что сегодняшний день будет трудно завершить, но затем решил, что, возможно, сможет через Мо Ли выяснить истинные намерения Мэн Ци.

Он собирался что-то сказать, но Мэн Ци уже заметил это.

— Династия Чу, хоть и потеряла былую славу, но народ все еще мог жить. Ты захватил власть, и мне все равно, но ты убивал невинных, навлек беды на жителей Тайцзина, вызвал содрогание земли. Это заставляет меня очень, очень хотеть сломать тебе шею.

Голос Мэн Ци стал ледяным, его выражение изменилось, и в глазах загорелась убийственная ярость. Третий принц хотел бы пролезть в стену и сбежать.

Лу Чжан невольно отступил на шаг.

Затем он опомнился и с досадой нахмурился.

Теперь в его взгляде появилась тень безумия, словно он сдерживал что-то.

— Смешно, династия Чу была незаконной, убивая заслуженных чиновников. Каким был император Лин из династии Чу, похоже, государственный наставник Мэн не знает? Он, чтобы удержать власть, фабриковал обвинения, подавлял способных чиновников, его преступления не меньше, чем у императора Юаня из династии Чу. Император Лин безжалостно попирает жизни и достоинство чиновников, служивших стране, только ради своего статуса дракона-небожителя, — Лу Чжан с искаженным лицом яростно сказал. — Династия Чу Ли губила страну и народ, какое право они имели сидеть на троне?

Мо Ли был и раздражен, и смеялся внутри, слушая эти слова Лу Чжана. Как такой человек, как Лу Чжан, мог говорить о попранном достоинстве? Что он думал о своих собственных сыновьях?

— И что? Император Лин был грешен, а ты был его приспешником, — Мэн Ци с презрением усмехнулся. — Я не знал, что слуги тигра могут так легко приписывать себе заслуги и вести себя, как люди.

— ...Я взошел на трон, усердно занимался делами государства, хорошо относился к чиновникам и не притеснял народ. Даже если были стихийные бедствия, вина не на мне. Процветание при императоре Лине, казалось, превосходило нынешнее, но разве это была его заслуга? Он просто получил хорошее наследство от предков!

Лу Чжан, даже в ярости, сохранял императорское достоинство, он кричал:

— Не прошло бы и двадцати лет, как династия Чу развалилась бы из-за его беззакония. Я предотвратил это, я дал ученым новый путь, чтобы они не прожили жизнь впустую, умирая с

сожалением!

Мэн Ци рассмеялся.

Мо Ли с мрачным выражением лица никогда не видел такого бесстыдного человека, как Лу Чжан, и, как врач, он заметил, что Лу Чжан действительно верил в свои слова.

Почему он всегда сталкивается с такими людьми, которые «обманывают себя» до такой степени, что начинают верить в свою ложь? Старый предок Цинъю мог быть просто мечтателем, но у Лу Чжана, похоже, была потеря памяти? Он забыл все, что сделал?

— Ха-ха-ха, ты забыл о чиновниках династии Чу, которых ты убил? — Мэн Ци смеялся, но в его глазах была смертельная ярость, на этот раз не притворная, он действительно хотел убить.

В династии Ци не было способных чиновников. Почему? Потому что все, кто имел амбиции, либо ненавидели жестокость Лу Чжана, либо были убиты им в той катастрофе.

Лу Чжан буквально убил всех, кто мог бы сопротивляться, и заставил остальных преклонить колени.

Мэн Ци не интересовался преданностью императору, он не был одним из тех, кто осуждал Лу Чжана как узурпатора, но трон династии Ци был буквально залит кровью и усеян трупами.

— Ты усердно правил и любил народ? Хорошо относился к чиновникам? — Мэн Ци не мог сдержать смеха, его взгляд был ледяным.

Лу Чжан почувствовал, как по его коже побежали мурашки, словно он упал в ледяную воду в самый холодный зимний день. Его тело оцепенело, он не мог пошевелиться, и его горло сжалось, не позволяя издать ни звука.

— Ты всего лишь мелкий человек, ищущий славы и выгоды!

Мэн Ци указал на Лу Чжана и резко сказал:

— Ты всеми силами стремился к высоким должностям и богатству, хотел быть выше других, и потому стал приспешником императора Лина. Злая собака, укусившая хозяина, сама виновата. Император Лин действительно был недостойным, но кто ты такой? Ты не хотел быть чьим-то слугой, не хотел, чтобы тебя презирали, ты хотел стать правителем мира, чтобы все преклонялись перед тобой, и потому ты начал убивать всех, кто не подчинялся! Когда ты захватил высшую власть, чтобы удержать ее, ты стал смывать с себя грязь, притворяясь добродетельным, придумывая оправдания, и в конце концов сам поверил в свою ложь. Ты жалок и смешон!

— Заткнись!

Лицо Лу Чжана сначала позеленело, затем посинело, он тяжело дышал, забыв о страхе, и яростно закричал:

— Что ты знаешь? Что ты понимаешь?!

Лу Чжан был на грани безумия.

Он потерял отца в юности, а мать была доведена до смерти родственниками. Он терпел унижения и презрение.

Род был могущественным, и в таких обстоятельствах единственным выходом было добиться успеха, чтобы унижить тех, кто его угнетал.

Он боролся десятилетиями, прошел через жизнь и смерть, не останавливаясь ни перед чем.

Он поднимался по служебной лестнице, но не получал того, чего хотел. Его все еще презирали, чиновники в лицо называли его собакой, даже император Лин смотрел на него с презрением.

Кто хотел бы быть собакой?

<http://bllate.org/book/15299/1351976>